

К ИСТОРИИ РАЗРАБОТКИ РУССКОГО ЯЗЫКА В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД И ПЕРСПЕКТИВЫ ДАЛЬНЕЙШЕЙ РАБОТЫ

М. А. Соколова
(Ленинград)

Внимание и умелое использование богатств и возможностей своего родного языка, мне кажется, характеризует наших предельно далеких предков. Сколько ни обращаешься к трудам Владимира Мономаха, не перестаешь восхищаться как умелым, любовным использованием данных своего языка, так и в определенных условиях привлечением лексики близкородственного нам старославянского языка, т. е. тех образований, которые обычно называют церковнославянизмами, хотя они не все, надо думать, являются таковыми. Полагаю, что после тщательного изучения трудов Вл. Мономаха его можно считать первым нашим стилистом.

Обращение к ряду других произведений прошлого укрепляет мнение об умелом пользовании как данными своего языка, так и наследием близкородственного нам старославянского языка, а также и своими дублетными, а порою и архаическими формами. Естественно, что и разработка русского языка, интерес к его фонетическим, морфологическим данным, к его синтаксическим особенностям, к его лексике также уводит нас в относительно далекое прошлое. Однако разработка данных языка шла до некоторой степени своеобразно. Можно, пожалуй, сказать, что до Советского периода достаточно глубоко и детально были разработаны вопросы фонетики и морфологии, до некоторой только степени вопросы синтаксиса и лексики. Расцвет и новизна исследований этих разделов — достижение наших дней.

Начнем с раздела фонетики. Использование сравнительно-исторического метода дало возможность установить соотношенность звуков родного языка с другими индоевропейскими языками, вскрыть природу таких звуков как *ѣ*, *ѡ*, *ѣ*, определить природу носовых и их рефлексы в русском языке. Однако и в этом разделе имеются достижения, осуществленные советскими специалистами.

В данном случае я имею в виду некоторые новые наблюдения, сделанные в области редуцированных звуков. Казалось, что в этом пункте достигнута достаточная ясность. Но обращение к мало исследованным или даже вообще неисследованным рукописным памятникам дало возможность сказать нечто новое, с чем нам уж нельзя не считаться. В данном случае следует назвать работу В. М. Маркова „К истории редуцированных гласных в русском языке”¹

¹ Казань, 1963 г.

Привлечение ценнейших рукописных памятников XI—XII вв. дало возможность высказать ряд новых положений большой значимости, например: 1. Древнейшие памятники *русского извода* столь же надежны как и оригинальные тексты, так как писцы умело отражали свое произношение и не следовали целиком традиции, идущей из памятников старославянского языка; 2. В работе осуществлен показ и признание важности надстрочных знаков, которые помогали передавать живое произношение пишущих; 3. Дан обильный материал замены слабых *ъ* и *ь* через *о* и *е*, т. е. вскрыта акустическая близость их к *о* и *е*; 4. Убедительно показана роль неорганических гласных, широко представленная в определенных сочетаниях согласных. Последнее наблюдение хорошо иллюстрирует положение о том, как фонетика и морфология смыкаются в сложный комплекс взаимодействий.

Менее разработанным в фонетике оставался вопрос о природе и происхождении такого специфического явления нашего языка как аканье.

Нужно отдать должное журналу „Вопросы языкознания”, который поставил на очередь освещение этой темы и за последние годы посвятил ей ряд статей. Правда, с моей точки зрения, большая часть их не представляет особого интереса. Ценными являются две статьи: В. В. Колесова „О некоторых особенностях фонологической модели, развивающей аканье” (1964, № 4) и Г. А. Хабургаева „О фонологических условиях развития русского аканья” (1965 г. № 6). Обе статьи отмечают недостаточность учёта лишь фонетических данных, говорят о необходимости учёта фонологических условий, способствующих этому процессу. Большого признания и внимания заслуживает первая статья, в которой автор говорит о необходимости учёта таких явлений как *ассимиляция* (топерь—теперь; мезинец—мизинец; седишь—сидишь); *диссимиляции* (скажомъ, мужом); *разрыв значений* (богат/багат—бог; колач/калач—коло); *подвижность ударения* (гора/гара—гор, горка) *долгота или краткость корневого гласного* (грамота, лепота и т. д.) и многое другое.

В конечном итоге убедительно показано, что на первом этапе развитие аканья осуществлялось не фонетическими, а фонологическими факторами.

В этом разделе науки о нашем языке пока у нас имеется отставание в разработке вопросов акцентологии вообще и особенностей русского ударения в общей системе славянских языков.

Что касается разделов грамматики, то думается, что в морфологии уже почти нет тёмных мест, и едва ли возможны какие-либо новшества.

Однако в Советский период появилось много ценных обобщающих работ, перечень которых занял бы огромное количество листов. Назову лишь некоторые из них: С. П. Обнорский „Именное склонение в Современном русском языке” (ч. I и II — 1927 и 1931 г.); Его же „Очерки по морфологии русского глагола” (1953), в которой впервые делается попытка определить природу личных флексий глагола, особенно 3 лица ед. числа и мн. числа; С. Д. Никифоров „Глагол, его категории и формы в русской письменности второй половины XVI века” и другие.

Ценнейшие работы по современному языку и его истории принадлежат крупнейшим учёным наших дней: Р. И. Аванесову, В. И. Борковскому, Л. А. Булаховскому, В. В. Виноградову, Е. М. Галкиной-Федорук, Е. В. Карскому, Б. А. Ларину, Б. М. Ляпунову, И. И. Мещанинову, С. П. Обнорскому, Ф. П. Филину, Ф. Ф. Фортунатову, В. И. Чернышеву, А. А. Шахматову, Л. В. Щербе, Л. П. Якубинскому и ряду других.

Иное положение с синтаксисом. Вопросы синтаксиса затрагиваются уже и в ранних грамматиках. Если в грамматике Зизания (1596 г.) еще нет раздела синтаксиса, то у М. Смотрицкого (1619 г.) уже имеется определение „Слова”, т. е. предложения, отмечаются особенности синтаксиса простого и образного. В грамматике Юрия Крижанича (1666 г.) говорится о влиянии классических языков и оборот *дательный самостоятельный* представляется заимствованием из греческого языка. О природе и характере этого оборота по существу и до настоящего времени нет единой точки зрения. Одни считают его оборотом, который самостоятельно развивался на славянской почве (Миклошич, Вондрак), другие продолжали считать его видоизменением греческого оборота *genetivus absolutus* (Востоков, Буслаев). Нет единства и в наши дни, несмотря на интересную работу Перегонцевой—Граве „Дательный самостоятельный в русском литературном языке XII—XVII вв.”² Автор стоит на позиции исконности этой конструкции на славянской почве и на большом материале показывает своеобразное развитие ее на восточнославянской территории вне зависимости от воздействия старославянского языка.

Подлинной грамматикой русского языка, по общему признанию, является „Российская грамматика” М. В. Ломоносова. Хотя термина *синтаксис* в ней и нет, но всё шестое наставление „О сочинении частей речи” посвящено синтаксису. Однако уверенно можно сказать, что подлинно глубокое историческое изучение вопросов синтаксиса относится лишь к концу XIX века. Начало ему положено трудами Буслаева и Потебни, а достойное продолжение и расцвет осуществляется лишь в наши дни. Появление ряда работ, посвященных исследованию синтаксических особенностей ряда памятников прошлого, было отрядным и ценным явлением. Так труды Е. С. Истриной,³ В. И. Борковского,⁴ Е. Ф. Карского⁵ и др. вызвали огромный поток исследований, диссертаций, статей, в которых освещались самые различные вопросы синтаксиса как прошлого, так и современного состояния языка. Это обилие соответствующей литературы дало возможность создать монографии по историческому синтаксису русского языка. Следует назвать в первую очередь „Синтаксис русского языка” А. А. Шахматова, первое издание которого вышло в 1925 г., а второе в 1941 г., затем книгу Т. П. Ломтева „Очерки по историческому синтаксису русского языка” (изд. МГУ, 1956); его же работу „Основы синтаксиса современного русского языка” (изд. Учпедгиз, 1958); исследования Я. А. Спринчака „Очерк русского исторического синтаксиса”, ч. I. Простое предложение и ч. II. Сложное предложение (изд. Радянська школа, Киев, 1960 г. и 1964 г.).

Наличие этих исследований дало возможность включить раздел синтаксиса и в учебные пособия по исторической грамматике русского языка. Если очень ценные „Лекции по истории русского языка” А. И. Соболевского даже в четвертом издании 1907 г. еще не имели раздела синтаксиса, то в „Исторической грамматике русского языка” П. Я. Черных (изд. Учпедгиз, 1952) этот

² Кандидатская диссертация. Ленинград, 1955 г.

³ „Синтаксические явления Синодального Списка I Новгородской летописи”. Петроград, 1923 г.

⁴ „Синтаксис древнерусских грамот” (Простое предложение). Изд. Львовского гос. университета, 1979 г.

⁵ „Синтаксис древнерусских грамот” (Сложное предложение). Изд. АН СССР, Москва, 1958 г.

⁶ Наблюдения в области синтаксиса Лаврентьевского списка летописи. „Известия АН СССР”, 1929 г. т. П.

раздел, в скромном еще виде представлен. Все последующие учебные пособия включают его в достаточно богатом объеме. Все это бесспорные достижения нашего времени.

Мощный рост языкового творчества в плане пополнения лексических богатств языка вызван теми изменениями, которые принес нам Октябрь 1917 года. Новый государственный строй, изменения в нашей общественной структуре, в мировоззрении, в жизненном укладе, рост науки и техники вызвали бурный рост лексики, столь необходимой для жизни наших дней.

Все это способствовало росту лексикологии и, конечно, лексикографии.

Мы в праве, имея в виду прошлое, гордиться и нашими *азбуковниками*, и „Лексиконом славеноросским” Памвы Берынды (изд. 1627 и 1653 г.) и „Лексиконом Трезязычным” Поликарпова (начало XVII в.), „Словарем церковнославянского и русского языка 1847 г.”, к показаниям которого мы обращаемся и сейчас, первым академическим словарем (1789—1794 гг.); „Толковым словарем живого великорусского языка” Даля; „Материалами для словаря древнерусского языка” Срезневского и т. д.

В Советский период происходит бурный подъем и рост лексикографии, который, естественно, явился следствием исключительного внимания к лексическим богатствам своего языка, к дальнейшему сбору их и умелой классификации. В этом плане сделано исключительно много. Созданы словари современного литературного языка, начиная от однотомного, затем 4-х-томные и, наконец, последний 17-томный словарь АН СССР.

Создаются словари языка писателей. Уже мы пользуемся Словарем А. С. Пушкина, а разработка других словарей осуществляется: так создается Словарь М. В. Ломоносова (Казанский университет); Словарь Горького (Ленинград, Саратов, Рига и др. города), Словарь Маяковского (Ленинград. Пед. институт им. А. И. Герцена). Следует отметить внимание к такой отрасли лексики как фразеология. Достаточно сказать, что в книге „Проблемы фразеологии”, (изд. „Наука” 1964 г.), в статье В. П. Сергеева „Библиографический указатель литературы по фразеологии”, изданной в СССР с 1918 г. по 1961 г. имеется 892 названия. А сколько напечатано после 1961 года. Какое количество не только статей, а монографий, диссертаций выходит сейчас.

Окружена вниманием и живая разговорная речь, сохраняющаяся еще в разных уголках нашей страны. Создаются словари народных говоров двух типов: а) Словари полные, с историческими данными, как например, Псковский словарь (Лен. Гос. Университет) и Брянский словарь (Лен. Гос. Пед. Иститут имени А. И. Герцена и б) словари дифференциальные, например, „Словарь русских народных говоров” АН СССР. Уже имеются два его выпуска (на буквы А и Б — блазниться) 1966 г.

Следует назвать такие, уже вышедшие в последние годы словари, как „Краткий Ярославский областной словарь (Ярославль, 1961 г.); „Материалы для словаря русских старожильческих говоров Прибалтики” (Рига 1963 г.); „Словарь русских говоров Сребного Урала” (Свердловск, т. I 1964 г.) Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна Оки” (Томск, т. I и II 1964 г. и 1965 г.) и ряд других.

Должно быть учтено переиздание Словаря Даля, „Материалов” Срезневского. А как высоко следует оценить внимание к памятникам прошлого. Перечень их изданий занял бы большое количество страниц. Трудно воздержаться и не назвать хотя бы такие издания как „Изборник 1076 г.” и роскошные издания 450-ти берестяных грамот, этой ценнейшей находки наших дней.

Их издания осуществлены трудами А. В. Арциховского, М. Н. Тихомирова и В. И. Борковского.

В одном отношении Советская наша наука в долгу и заслуживает справедливого упрека. Несмотря на богатейшую картотеку для Словаря древнерусского языка, мы словаря еще не имеем.

Некоторое отставание имеется в работе над этимологическими словарями. Но общий подъем, стремительный ход, а в некоторых областях прямо бурный рост советской науки о языке рассеивают всякие сомнения, связанные с будущим указанных областей. Есть все основания полагать, что указанное отставание в скором времени будет преодолено.